

К. В. Тревер

(Член-корреспондент АН СССР)

Н. Я. Марр и вопросы исторической науки

Образ Марра-историка неразрывно связан с образом Марра-археолога в силу тех особых взаимоотношений, которые сложились с первых же годов его научной деятельности между ним и археологией, в силу той, если можно так выразиться, предначертанности, которая навсегда связала имя Марра в истории науки с производившимся им на протяжении почти 25 лет раскопками города Ани, с основанием и деятельностью „Ашйского Археологического Института“ и с носящим его имя Институтом Археологии Академии Наук СССР.

Рассмотрение вопроса о Марре-историке следует начать с освещения того, как сам Марр воспринимал и определял свое отношение к истории и археологии.

Определение своего отношения к археологии Марр дал уже в 1899 г., когда разведочные раскопки древней столицы Армении, Двина, он обосновывал необходимостью „правдивого освещения прошлого Армении в эпоху перехода от парфянского царского режима, видоизменившего мирный родовой быт, к феодальным устоям“¹—широкая историческая проблема, положенная в основу археологических работ.

Обосновывая возобновление, после некоторого перерыва, раскопок Ани, Марр в 1904 г. писал: „Камни говорят о революционных сдвигах, когда столь обильно писанная родная история молчит о них как кладбище“.²

Итак—археология помогала Марру и освещать и разрешать те или иные исторические проблемы.

В одном из докладов, посвященных памяти Марра, говорилось, что Николаем Яковлевичем много было сделано для устранения той почвы, которая вызвала язвительное определение археологии, данное Момзеном, называвшим ее „наукой безграмотных“.³

Под заступом Марра-археолога начинали говорить и камни,

¹ Архив Марра в Инст. Археологии им. Марра, 1899 г., дело 119, л. 23.

² Марр, Ани, книжная история города и раскопки на месте городища, 1934 г., стр. X.

³ И. А. Орбели, Марр как археолог, Проблемы ГИИМК, 1935, № 3—4, стр. 51.

открывая, между прочим, „перспективы в глубь времен, совершенно конкретные... (и) в отношении языка“...¹ как говорил Н. Я., ссылаясь в качестве примера на археолога Эванса, который „высказал целый ряд творческих мыслей по общей лингвистике более жизненного значения, чем то, что могли сказать теоретики языковеды“.²

Тридцатилетний археолог Марр видел свою задачу в воссоздании подлинной истории армянского народа в определенный период его жизни, в отражении духовной и материальной его жизни. „Ани для науки дорог не только произведениями армянского искусства, но всеми своими эпиграфическими и вещественными памятниками, осязательно отражающими и духовную и материальную жизнь населявших его жителей“, писал Н. Я. в 1898 г.³

На помощь археологу обычно приходил и лингвист в лице Марра, утверждавшего, что только языками „подводятся прочный фундамент под вызывающие всеобщий интерес, казалось бы, безнадежные исторические проблемы“.⁴

В служении исторической науке видел Марр значение и созданной им яфетической теории: „Яфетическая теория касается общности, истории материальной культуры, вообще исторической науки и целого ряда других наук, в результате изучения конкретных явлений звуковой речи, увязанной со всем окружением“.⁵ А в 1928 г., когда яфетическая теория переросла в его новое учение о языке, он писал: „если верно наше материалистическое учение о языке... то ясны неминуемо вытекающие отсюда последствия для постановки исследовательской работы по истории материальной культуры, разрабатывают ли ее этнология, археология или искусствоведение“.⁶

В последний год своей жизни отношение свое к истории Марр формулировал следующими словами: „Когда обращаемся к истории, то получается триединство—вопрос об языке, мышлении и о материальной культуре в историческом развитии каждого из них и их технике“.⁷ В том же 1933 г., в последнем своем докладе Марр ставил вопрос о необходимости пересмотра всей истории, начиная с наиболее изученной буржуазными историками греко-римской истории“.⁸

¹ Марр. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, Избр. работы, т. III, стр. 44.

² Там же.

³ Марр. Ани, столица Армении. Братская помощь пострадавшим армянам, Москва, 1898, стр. 193.

⁴ Марр. Кавказ и памятники его духовной культуры, Петроград, 1919, стр. 22.

⁵ Марр. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, Избр. работы, т. III, стр. 174.

⁶ Марр. Задачи и методы исследовательской работы по археологии и искусствоведению, Научный Работник, 1928, № 8—9, стр. 23.

⁷ Марр. В типике ли история материальной культуры, Известия ГАИМК, вып. 67 (1933), стр. 5.

⁸ Марр. К истории Кавказа по данным языка, изд. Закавказского Филнала

утверждая, что перестроить надо и историю Востока, так как „нет более истории и д истории, нет раздельной истории Запада и Востока“. Но об этом речь будет дальше.

При рассмотрении вопроса о Марре-историке необходимо остановиться и на вопросе о методологии и методике Марра-историка, на краткой характеристике лабораторных его приемов.

Первое. Так же, как и академик И. П. Павлов, Марр требовал для обоснования того или иного положения большого количества правильно собранных фактов, освещаемых интуицией, которая, в конечном счете, этими же фактами и вызывается. Но Марр резко возражал против сухого нанизывания голых фактов, не увлажненных творческой мыслью; он говорил, что „добыча всякого материала сама по себе бывает открытием, равноценным научному открытию, сделанному в лаборатории ученого, ушедшего в теоретические изыскания“.¹

Итак, Марр требовал от историка большого количества правильно собранных фактов, освещенных творческой мыслью.

Второе. — Марр требовал комплексного изучения источников: он заставлял говорить вещь, он вслушивался в данные языка и филологии, он всматривался в живой быт, доносящий до наших дней в обычаях, обрядах и песнях пережитки глубокой древности, словом — и лингвистика, и филология, и археология, и этнография с фольклором и топонимикой и, наконец, памятники материальной культуры и искусства являлись теми источниками, которыми пользовался Марр для воссоздания общественной жизни того или иного народа в тот или иной период его существования.

В посвященном памяти Марра докладе один из старейших учеников его, академик И. А. Орбели, говорил, что „для Марра равно становилось ценным и свидетельство древнего текста и, в соответственном освещении, свидетельство звучащего в наши дни предания, слово в контексте V в. и слово в связной речи, мимолетном замечании или мимоходом брошенной проводником пословице“.²

Итак, Марр требовал от историка привлечения всех видов источников.

Третье. — Марр требовал от исследователя, чтобы он знал язык того народа, историю которого он изучает. Не только историк, но и „фольклорист, не знающий языка записываемых им текстов — не научный работник, а сюжетолог“, говорил Марр, как вспоминал об этом в одном из своих докладов академик И. И. Мещанинов.³

Еще в 1898 г. Марр писал, что „похвальные усилия в чтении

Академии Наук СССР, 1933, стр. 10 (ср. В. А. Миханкова, Николай Яковлевич Марр, Известия ГИИМК, вып. 154, Ленинград, 1935, стр. 354).

¹ Марр, Вступительная лекция в Лазаревском Переднеазийском институте, Тексты и разыскания по кавказской филологии, т. I, 1925, стр. 12.

² Орбели, Марр как археолог, стр. 52.

³ Мещанинов, Марр как лингвист, Проблемы ГИИМК, 1936, № 3—4, стр. 23.

ванских клинообразных надписей, немых свидетельниц древнейшей истории Армении, при всей научной обстановочности, не перестанут снабжать нас камнем вместо хлеба, пока исследователи клинообразных надписей не вооружатся действительным знанием местных языков и действительным пониманием местных древностей".¹ В противном случае, по мнению Марра, результаты работ не могут не вызывать к себе большой дозы скептицизма.

Итак, Марр требовал от историка знания языка и жизни того народа, историю которого он изучает.

Четвертое.—Переходя к вопросу о критике источников, следует отметить, что еще в 1898 г. Марр требовал учета классовой природы источников, когда писал: „Культурно-политическая жизнь Армении... была и богаче и разнообразнее, и интереснее, и ярче, чем тот отблеск, который проникал в тесные кельи обращенных к миру спиной монахов-писателей. Отрицать все то, о чем умалчивают армянские историки только потому, что армянские историки молчат, это значит отказаться от работы на пользу главной задачи арменоведения, отказаться от мысли когда-либо возсоздать историю подлинной армянской жизни".² Указывая на то, что каждый литературный памятник является продуктом определенной исторической среды, Марр в качестве примера указывал на „толкования Хоренского“, которые „так же научны, но с точки зрения господствовавшей в древней Армении схоластической науки".³

Что же касается легендарных наслоений, которыми изобилуют древние тексты, то их Марр рассматривал как „культурно-исторический материал для характеристики эпох, когда они возникли".⁴

Итак, Марр требовал от историка критического отношения к источникам, требовал учета того факта, что каждый источник является отражением мировоззрения той эпохи и той среды, в которой он возник.

Все эти четыре требования Марра должны были бы быть претворены в плоть и кровь школой Марра, но не во всех случаях те, кто называют себя его учениками, пользуются этими основными его положениями.

О Марре и его стихийном приходе к марксистско-ленинской методологии много сказано и много написано. Но следует все же отметить, что уже в 1898 г. в речи, произнесенной Н. Я. перед зашитой его магистерской диссертации, говорилось о классовом характере памятников. Классовости евангельских текстов посвящена одна из статей Марра.⁵ О борьбе классов в Ани поведали Марру раско-

¹ Марр, К вопросу о задачах арменоведения, Избр. работы, т. I, стр. 19.

² Марр, Рецензия на Г. Халатянц, Армянский эпос в „Истории Армении" Монсея Хоренского, Византийский Временник, т. V, 1898, стр. 242.

³ Марр, там же, стр. 254.

⁴ Марр, К вопросу о задачах арменоведения, Избр. работы, т. I, стр. 21.

⁵ Марр, Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста, Избр. работы, т. III, стр. 351—358.

панные им дворцы и кварталы города. Изучая поэму Руставели, Марр в 1910 г. различал два течения в грузинской литературе, отражавшие вкусы двух различных классов—вкусы рыцарски настроенных феодалов, изысканно образованного грузинского общества той эпохи, и идеалы монашествующих христиан, выразителей вкусов других слоев населения.

Все это, вместе взятое, привело Марра постепенно к сознательному применению метода исторического материализма. В этой связи особый интерес представляет последний доклад Марра, осенью 1933 г. в Тбилиси, где он указывал, что перелом от яфетической теории к новому учению о языке, мышлении и истории материальной культуры, это — „плод активного участия в революционном творчестве СССР, углубившего учение до ленинского понимания теории познания, до сталинской четкой формулировки определения национальной культуры“.¹

Весь творческий путь Марра и, в частности, Марра-историка протекал в тесной взаимосвязанности его научной работы с общественно-политической жизнью страны. Окружавшая его конкретная действительность, это—та основа, та канва, на которой яркими красками запечатлены основные этапы пути, пройденного Марром-мыслителем. Отношение Н. Я. к окружавшей его действительности нашло себе необычайно яркое выражение в 1933 году, последнем творческом году его жизни, когда в отчетной статье, посвященной его поездке в восточное Средиземноморье, у него вырвалось из самых недр его существа шедшее восклицание: „Хочу жить, жить жизнью актуальности“.²

С юношеского возраста вся сознательная жизнь Марра была увязана с общественно-политической жизнью страны. Шестнадцатилетним мальчиком он мечту о национальном возрождении Грузии воплотил в стихах на грузинском языке, помещенных в гимназическом журнале в 1880 г., причем последняя строфа этих стихов заканчивалась призывом: „Оружие в руки возьмем!“.³ Это оружие Марр в свои руки взял. Взял он его в виде той яфетической теории и того нового учения о языке, которыми он разбивал старые языковедные устои, и не случайно над открытой могилой Н. Я. одним из делегатов от народов Кавказа были произнесены слова об „огненном разящем мече Марра“.

Двадцать пять лет спустя, не мальчик уже, а сорокалетний Марр, в полном расцвете своих творческих сил, горячо реагировал на события 1905 г. Приведу один пример—его письмо к кавказской молодежи, помещенное в газете „Рассвет“, где он утверждал: „Власть должна быть в руках народа“,⁴ и приветствовал „находящуюся во

¹ Марр, К истории Кавказа по данным языка, стр. 12.

² Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, Известия ГАНМК, вып. 89 (1934), стр. 7.

³ Миланкова, ук. соч., стр. 12.

⁴ Газета „Рассвет“, СПб, 1905 г., № 222. (Ср. Миланкова, ук. соч., стр. 92).

главе движения, чуждую всякого местного национализма социал-демократическую партию, причем наиболее приморечивую ее фракцию, именно не федералистов, а *ring sang* социал-демократов".¹

Прошло тринадцать лет, наступил тяжелый 1918 г., когда интервенция грозила стране тяжкими бедствиями, и вот пятидесятилетний Марр, ни на минуту не теряя своего оптимизма, своей уверенности в правоте начатого в октябре 1917 г. дела, писал: „Кавказ отнюдь не гибнет, как не гибнет и Россия: в распадении России залог ее воскресения здоровой, сильной и цветущей, как никогда".² И эти слова Марра, как все мы знаем, оказались словами вещими.

Чтобы понять дальнейший ход развития отношения Н. Я. к развертывавшимся в нашей стране событиям, следует отметить 1924 г., когда Марр на Кавказе вел борьбу „за национальность против национализма",³ и год 1928, когда на III Всесоюзном Съезде научных работников Н. Я. утверждал, что „каждый ученый—трибуна не только науки, но и общественности" и что „путь научных работников может быть или назад или вперед... теперь нет ни старых, ни новых путей, а есть один советский путь".⁴

В том же 1928 г. Марр в одной из своих научных статей отмечает, что наука не может развиваться без увязки с жизнью, так как „наука, не увязанная с жизнью в XX столетии,—это или лицемерное утверждение, или пережиток средневековья с его монастырями".⁵

Наступает 1931 г., и Марр, открывая IV Всесоюзный Съезд Научных Работников, говорит, что „научная работа (и в этом ее оправдание и призвание) должна не только не отставать, но быть впереди, должна просвещать и теоретически обосновывать пути дальнейшего развития социалистического строительства".⁶

Мы видим, как на протяжении всей сознательной жизни Марра, с 1880 г. и до последних дней, т. е. более 50 лет, общественно-политическая жизнь составляла ту основу, на которой проходил его творческий путь, и как вся его жизнь была воплощением этого, в научную статью ворвавшегося возгласа: „Хочу жить, жить жизнью актуальности".

Данная статья не ставит себе задачи дать перечень или характеристику хорошо всем известных археологических, а тем самым—исторических, работ Марра: Ворнак, Ван, Гарни, Двини, Ереван, Ани и т. д. В задачу данной статьи не входит также характеристика хорошо всем известной разносторонней и плодотворной деятельности

¹ Марр. Из туркийских впечатлений и наблюдений, СПб, 1905, стр. 9.

² Марр. Батум. Ардаган. Карс. исторический узел межнациональных отношений Кавказа, Петроград, 1922, стр. 60.

³ Мухоморова, ук. соч., стр. 239.

⁴ Марр. Научный работник, 1929, № 2, стр. 19.

⁵ Марр. К вопросу об историческом процессе и освещении афетической теории. Избр. работы, т. III, стр. 153.

⁶ Мухоморова, ук. соч., стр. 338.

созданных им институтов. Но вкратце следует остановиться на вопросе об истории материальной культуры и понимании ее Марром с 1928 г., когда он так определял отдельные „части цельного учения истории материальной культуры, расположенные ярусами: этнология, занимающаяся доисторической культурой... при до-логическом мышлении, без различения функционального строя с художественным; археология исторических эпох, при логическом мышлении,—с различением конструктивных линий творимого от художественного, (и) искусствоведение, при нарождении самостоятельных или независимых художественных восприятий...“¹

Как менее известное, особый интерес здесь представляет высказывание Марра об искусствоведении и его уврек археологам, что ими не исследуются взаимоотношения искусства и материальной культуры, чему он усматривал следующие причины: „Искусство, конечно, относится к материальной культуре, составляет ее особую часть, но его назначение, его идеология, а в связи с этим и метод исследования, разумеется, иной“.²

Марр утверждал, что „так как у археологов великих исторических культур“ метод не генетический, а типологический, формальный, поэтому в исследованиях памятникам истории материальной культуры или нет места или, если они находят место, то „обречены на неразграничиваемое слияние с памятниками искусства. Таким образом создается гушик. Из него никак нельзя выйти“.³ Значение генетического вопроса в изучении памятников искусства, по мнению Марра, еще не осознано.

В этой связи следует вкратце остановиться и на вопросе об отношении Марра к памятникам искусства. В 1909 г. он писал: „После памятников языка, исторического исследования армянской речи, литературной и народной, я больше всего жду здорового света от языка памятников архитектуры, когда мы научимся понимать его“.⁴ А в последний год своей творческой жизни Марр в связи с изучением вишавов осознал необходимость „во что бы ни стало повидать памятники Трон, Пергама, Сарт“.⁵ Но памятник искусства оставался для Н. Я. только историческим документом, как это можно проследить и на классическом примере со статуей царя Гагика, найденной во время раскопок в Анн. Гагик изображен в чалме, с крестом на груди и с моделью построенной им церкви в руках. В отчете о раскопках Марр дал специальное исследование о чалме, привлекая и

¹ Марр, Задачи и методы исследовательских работ по археологии и искусствоведению, Научный работник, 1928, № 8—9, стр. 20.

² Марр, Лингвистически замечательные эпохи развития человечества и их увялка с историей материальной культуры, Избр. раб., т. III, стр. 45.

³ Там же, стр. 45—46.

⁴ Марр, Рецензия на Торазмания, Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ. т. XIX, 1909, стр. 12 (Ср. Миханкова, ук. соч., стр. 110).

⁵ Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 63.

лингвистический, и археологический, и письменный и этнографический материал. „В чалме царя Гагика“, говорится у Марра, „мы получаем вещественное доказательство, реально-историческое указание на происхождение армянского багратидского царства, именно на то, что... анийское багратидское государство почву для своего возникновения обрело в культурно-общественных и политических условиях, вызванных к жизни в Передней Азии развитием халифата и брожением национальной мысли, возрождением покоренных народов в пределах мусульманского мира“.¹

Итак, мы видим, с каким величайшим мастерством Марр приводит и памятники искусства на служение истории.

Академик И. А. Орбели в свое время указывал² на то, как изучение города привело Марра в 1908—1909 гг. к установлению параллелизма условий и путей сложения светской архитектуры и декоративного искусства армянской знати и условий и путей развития светской поэзии знати грузинской; была выдвинута проблема: анийский дворец и поэма Шоты Руставели.³

Необходимо подчеркнуть, что памятники материальной культуры Марр изучал в теснейшей увязке их с памятниками культуры духовной, как об этом свидетельствует его капитальный труд, посвященный Иоанну Петрицкому.⁴ Акад. Орбели указывал, как исследование генезиса разделения армянской и грузинской церкви, оформившегося в виде борьбы халкедонитского движения с антихалкедонитским, привело Марра к работе о философских школах в Грузии и Армении, „специально о судьбах неоплатонизма в Грузии и к неожиданным выводам по истории стеной живописи и миниатюры в Армении, а отсюда—к локализации и определению ряда замечательных памятников—и дальше (в связи с откопанными Марром в Ани надписями) к раскрытию интереснейшей страницы социальной жизни этого города и его экономической истории, подготовив почву для правильной постановки вопроса о причинах гибели Ани, подкрепленной работой Бартольда о ярлыке Абу-Санд-Бахадур-хана на стене анийской мечети Мануче“.⁵

Марру, вооруженному вышеописанной методикой и методологией, Марру, стоявшему на непререкаемых научных позициях, пришлось вести упорную борьбу с целым рядом как научных, так и политических предрассудков, о чем, между прочим, упоминают и Бартольд и Смирнов, рецензенты работ Марра в связи с присуждением

¹ *Марр*, Ани, стр. 64.

² *Орбели*, Марр как археолог, стр. 60.

³ Этот тезис явился, между прочим, почвой для сомнений в подлинности замкнутости в мусульманском кругу так называемого суфизма (*Орбели*, Марр как археолог, стр. 60).

⁴ *Марр*, Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII вв., Зап. Восточ. Отд. Русск. Археологич. Общества, т. XIV, стр. 53—113.

⁵ *Орбели*, Марр как археолог, стр. 55.

ему Русским археологическим Обществом большой золотой медали за археологические работы в Ани.

К числу научных предрассудков, с которыми приходилось бороться Марру, относятся, например, вопрос о происхождении Рейской керамики (всем памятно, как теоретическое положение Марра было блестяще подтверждено результатами раскопок А. Ю. Якубовского в Ургенче (в Хорезме), а также вопрос о так-называемой византийской керамике IX в., найденной в слоях XII—XIII вв. в развалинах лачуг Ани.

Из числа предрассудков националистических, с которыми боролся Марр, следует отметить недовольство представителей националистически настроенной армянской буржуазии, которая частично финансировала раскопки в Ани, и которая была шокирована результатами раскопок торгового и ремесленного центра Ани с его разноплеменным населением: оказалось, что „представляя большинство, по отнюдь не политически господствующее большинство, армяне являлись лишь одной из движущих и действующих сил“.¹

Со всеми этими предрассудками Марр боролся усердно, так как политические взгляды его покоились на обобщениях, полученных в результате анализа конкретных фактов, так как в области узкой специальности, например, археологии, он не был связан никакими традициями, так как им не владел вещеведческий подход старой археологической школы.

Все вышесказанное и послужило Марру тем орудием и тем оружием, с помощью которых ему суждено было внести в историческую науку огромный вклад, подлинные размеры которого не всеми и не всегда учитываются.

Первое—это вопрос об единстве мирового исторического процесса. Здесь Марр оказался настоящим учеником, пошедшим дальше своего учителя, В. Р. Розена, который еще в 1885 г., когда Марру шел двадцать первый год, изложил в печати следующее, весьма передовое для 1885 г. положение: „Уже понято, что история человечества будет фрагментарна, доколе не будет изучена история азиатских народов; уже понято, что искание исторических законов, управляющих судьбами человеческого общества, останется довольно бесплодным трудом, доколе оно будет базироваться на сравнительно ограниченном количестве фактов одной европейской жизни“.²

Уже в 1896—98 гг. Марр боролся с узким националистическим подходом к научным исследованиям: основываясь на литературных памятниках, данных археологии и источниках этнографических, он доказывает связанность культур народов Кавказа, армян и грузин между собою и с окружающим их миром, христианским и мусуль-

¹ Орбели, Марр как археолог, стр. 57.

² В. Р. Розен, Предисловие к каталогу восточных рукописей собрания Marsigit в Болонье, Рим, 1885, стр. 3.

манским, с персами, сирийцами, арабами, византийцами.¹ Связь эту он усматривал и в языке, и в письменных и вещественных памятниках.

Когда Марр в 1898 г. защищал свою диссертацию, посвященную притчам Вардана Аниекского, один из его оппонентов, С. Ф. Ольденбург, указывал, что труд Н. Я. формально дает основание говорить о двух культурах—средиземноморской и восточной, но что по существу он представляет собою тезис о единстве Запада и Востока. Возвращаясь к этому положению в 1914 г., Марр говорил об общности культуры Кавказа и Передней Азии—в языке, материальной культуре и литературных памятниках, а в последние годы формулировал это свое утверждение как „переход от позиции единства кавказского культурного мира к позиции единства мирового исторического процесса в целом“.² Это—поворот Марра к позициям диалектико-материалистического понимания исторического процесса.

Все это вместе взятое привело Марра в 1933 г. к четкому заявлению, что „нет более истории и доистории, нет раздельной истории Запада и Востока“.³ К этому его привела его последняя поездка в восточное Средиземноморье, когда он окончательно убедился, что „восточное и западное Средиземноморье—это две половинки одного мира и их историческом развитии, две противоположности, и например, греческий или эллинический мир менее увязан социально-генетически с западным римским, чем с Азией, тем более с Передней Азией“.⁴

О нераздельности истории Востока и Запада писали уже до Марра и В. Р. Розен и С. Ф. Ольденбург, а один из учеников Марра, И. А. Орбели, продолжил эту мысль в 1935 г. следующим образом: „И когда наступит то время, когда „западоведы“, которых все еще принято называть специалистами по всеобщей истории (*histoire générale*), и такой же мере осознают проблемы, стоящие перед востоковедением, как по отношению к западу это делали Марр и другие великаны русского востоковедения, то, естественно, „всеобщая история“ перестанет плескаться в Средиземноморской луже“.⁵

Итак, первым вкладом Марра в историческую науку является тезис, к которому он пришел уже в конце XIX в., осмысливая конкретные факты, а именно—положение о единстве исторического процесса.

Второе—это учение Марра о стадильности, совершенно закономерно им перенесенное и в область исторических изысканий, что дало ему возможность установить стадильность в развитии мировоззрения человечества, проследить я космическую и тотемическую и мифотворческую и историческую стадии и, наконец, пережиточно в песнях, сказках и деталях быта до нас дошедшее мировоззрение первобытного человека.

¹ *Миханкова*, ук. соч., стр. 47.

² *Марр*, Индоевропейские языки Средиземноморья, Избр. раб., т. I, стр. 185.

³ *Марр*, К истории Кавказа по данным языка, стр. 10.

⁴ *Марр*, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 4.

⁵ *Орбели*, Марр как археолог, стр. 51.

Через 18 лет после нахождения вишапов в Армении наличие вишапов в 1927 г. было установлено и на территории Грузии, и это привело Марра к утверждению, что в них мы имеем дело с „отраженным мировоззрением древнейших эпох не только армян и грузин, оставивших вишапов, но всего человечества на определенной стадии исторического процесса“.¹ А в 1933 г. это учение его о стадильности помогло ему разобраться в вопросе о так называемом „греческом чуде“. „Как эллины или греки столь исключительно преуспели в художествах, философии и даже в науках? Откуда это чудо взялось? Откуда эта „благословенная раса?“ Это чудо, утверждал Марр, является результатом „стадильного развития не одних греков, а всего человечества... и по стадии у греков, равно римлян, часто больше родства с далекими народностями, по единству того или иного стадильного развития, чем с ближайшими или соседящими“.²

Учение о стадильности у Марра тесно увязано с палеонтологическим анализом языка и материальной культуры, который Н. Я. стал применять и требовать с 1926 г. В 1928 г. это свое требование он формулировал следующим образом: „Надо углублять развитие неразрывно связанного с идеологией учения палеонтологически устанавливаемых форм, увязывающего художественные ценности, с одной стороны—с идеологическим устремлением живой современности, с другой—с архетипами их, их предтечами в археологически вскрывающихся эпохах и этнологически освещаемых доисторических мирах, где прообразы тех же художественных форм, когда они там были, оценивались по функции.“³

При этом Марр не выхватывал слово и образ из контекста, а брал его, как писал Орбели, „во всем его многотысячелетнем окружении,—словом, звучащим зачастую и по сей день, как оно звучало тысячу лет назад, но зачастую сегодня покрывающим понятие, диаметрально противоположное тому, которое оно покрывало в устах того же народа на другом этапе его исторической жизни“.⁴ Марр высказывал, собственно говоря, ту же мысль, которая изложена Марксом, когда он говорит об отношениях предшествующих формаций, которые отражаются в позднейших источниках, часто лишь „в развитом, в искаженном, в карикатурном, во всяком случае, в существенно измененном виде“.⁵ У Марра этот тезис был иллюстрирован с помощью образа: „Люди одной стадии с людьми другой стадии находятся... в отношениях яйца и птицы“.⁶

Итак, вторым вкладом Марра в историческую науку является его учение о стадильности и связанный с ним палеонтологический ана-

¹ Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов, Вишапы, 1931 г., стр. 54.

² Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 98.

³ Марр, Задачи и методы исследовательской работы по археологии и искусствоведению, Научный Работник, 1928, № 8—9, стр. 23.

⁴ Орбели, Марр как археолог, стр. 51.

⁵ К. Маркс, К критике политической экономии, изд. 1931, стр. 75—76.

⁶ Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 56.

ли, на котором отразилось уже знакомство его с марксистско-ленинской методологией.

Третье положение: изучение подлинной истории того или иного народа и его культуры возможно только при учете всех местных элементов, наблюдаемых на определенной территории: „эти загадочные элементы“, говорил Марр, „выступают из народных недр в моменты наибольшего подъема жизненной энергии, как бы из сокровищницы древнейших переживаний и, находя выражение в памятниках, кладут на нем печать оригинальности“.¹

Высказывая эту мысль, Марр имел в виду и вишанов, имел он это в виду и при изучении Руставели, именно — вклад народного происхождения, народные элементы.² Он имел это в виду и тогда, когда говорил о „скифах-русах“,³ и тогда, когда излагал свою мысль о связях генетического порядка между народами Кавказа и скифами.⁴ Марр требовал учета всех тех данных, которые дает сам народ на своей территории, хотя бы эти показания шли вразрез с книжно-историческими традициями.⁵ Это свое положение Марр в 1918 г. обосновал указанием на тот непререкаемый факт, что... „гибнут не народы, а их отдельные слои, но существу своей природы теряющие реальную перспективу жизни“,⁶ т. е. высказывал ту единственно правильную научную точку зрения на народ, которая заключена и в известных словах И. В. Сталина: „Руководители приходят и уходят, а народ остается. Только народ бессмертен“.⁷

Марр учил, что на каждой данной территории на глубоких местных корнях происходит процесс скрещивания, переплетения и взаимодействия смежных культур. Еще в 1892—1893 гг. несостоятельность мировоззрения о цельности или изолированности каких либо национальных культур,⁸ нашла себе подтверждение, когда во время археологических работ Марру пришлось вступить в общение и с курдами, и с армянами, и с турками.

Так, например, говоря об армяно-грузинской культуре, Марр отмечал, что характерным для нее является „непосредственное восприятие разнородных культур и их амальгамирование; здесь приходится опять повторять известное положение, что если элементы иноземны, то сочетание — местное, нигде больше не повторяющееся“.⁹ т. е. то, что мы называем национальным по форме.

¹ Марр, Кавказ и памятники его духовной культуры, стр. 15—16.

² Марр, Известия Академии Наук, 1917. № 7, стр. 427.

³ Марр, Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста, Избр. работы, т. III, стр. 351.

⁴ Миланкова, ук. соч., стр. 206—207.

⁵ Марр, Зап. Вост. Ост. Русск. Археол. Общ., т. XX, стр. 122.

⁶ Марр, Батум, Ардаган, Карс, стр. 58—59.

⁷ „Правда“, № 301 от 31 октября 1937 г. (Принем руководящих работников и стахановцев металлургической и угольной промышленности руководителями Партии и Правительства в Кремле 29 октября 1937).

⁸ Марр, Основные достижения яфетической теории, Избр. раб., т. I, стр. 204.

⁹ Марр, Об единстве задач армяно-грузинской филологии, Кавказский Вестник, 1902, № 3, стр. 9.

Итак, третьим вкладом Марра в историческую науку является его положение: познание истории и культуры народа возможно только при условии изучения древних местных корней и анализа процесса их переплетения с явлениями культур смежных.

Диапазон исторических интересов Марра настолько широк и глубок, настолько велик, что нет, кажется, ни одной исторической специальности, которая, приложившись к роднику Марра-историка, не пошла бы из него живой водой.

Что получает от Марра историк первобытной культуры? Ему Марр на ряде примеров показывает, как диалектический материализм открыл „настежь двери во все так называемые доисторические глубины“,¹ и в частности—что „доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а как творческая материальная сила формирования“² тех или иных племен или народов. Доисторику Марр указал, что „никакой доистории не существует, а есть только забытая история, по-гречески—„лефонстория“³ и, наконец, что мифы и эпос являются литературой первобытного общества.“⁴

Бесконечное количество материалов и обобщений получает от Марра историк Древнего Востока, и по культуре шумеров, и по культуре Элама, и многих других народов, причем особенно пристально всматривался Марр в образ богини Инштар (она же — кипрская Венера, она же — Афродита, она же — Кибела) „богини еще матриархального социального строя“, как определяет ее Марр.⁵ Инштар Марр посвятил десятки страниц, так как образ ее давал ему возможность проследить смену различных стадий в истории мировоззрения человечества, начиная от примитивного образа богини воды, земли и женского плодородия и кончая утонченными образами средневековья, Исолды—на Западе и Вис—на Востоке.“

Историк классического мира научится у Марра анализу различных лингвистических и историко-культурных явлений древней Эллады, причем особо ценными здесь представляются два высказывания Н. Я. Первое—это его указание на то, что в результате применения формально-сравнительного метода, историку античного мира никак не удастся связать „эллиническую историческую культуру с предшествующей ей крито-микенской, также исторической культурой“. ⁶ Вто-

¹ Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 129.

² Марр, Привольские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, Изв. Акад. Наук, 1925, стр. 616 (Избр. раб., т. V, стр. 306).

³ Марр, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, Избр. работы, т. III, стр. 174.

⁴ Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 112.

⁵ Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества в их увязке с историей материальной культуры, стр. 51.

⁶ Марр, Инштарь, Избр. раб., т. III, стр. 350.

⁷ Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества в их увязке с историей материальной культуры, стр. 45.

рое—это замечательные слова Марра о том, что „диалектический материализм освободил так называемые европейские классические языки Средиземноморья, латинский и даже греческий, от чуда самородности, переводя их в историческую категорию определенной стадии“,¹ что диалектический материализм заставил принять то положение, что „научная мысль, забрезжившая впервые в Греции, есть непосредственное наследие мышления первобытного общества,—мышления повсеместного в мировом масштабе“.²

Иранист находит у Марра положения обобщающего порядка, как его утверждение, что „персы в Иране имели расцвет культурных осадков исторической жизни всех предшествовавших в стране творцов культуры, не исключая и тех, которые предшествовали шумерам и в письменных источниках не оставили повествований о своей исторической жизни“.³ Столь же важно для ираниста и такое совсем, казалось бы, частное обобщение, как указание на то, что „название аг-шак в функции тотема расшифровывается как детерминатив „аг“ (тотем, resp. впоследствии — божество) и шак“ (resp. sak), т. е. скиф“.⁴

Не обездолен и историк Средней Азии, которого не может не поразить указание Марра на то, что „шумерское название „реки, воды“ ныне вскрыто в названии реки „Аму-дарья“; в основной его части (а-ми) и „а—а“ и „ми“ означали воду“.⁵ Во весь рост Марром поставлена была и „центральная“, как он ее называл, среднеазиатская проблема—скифская проблема, „которая в себе сосредоточивает весь восточный научно-исследовательский вопрос, вопрос не только о восточной Европе, но и о глубинной Азии“.⁶ Привлек к себе внимание Марра и эллинизм в Средней Азии: в 1933 г. он предостерегал историков, что „роковая завеса греческого чуда заслоняет историю не только в Восточном Средиземноморье и прилегающей к нему Азии, но и в Средней Азии“.⁷

Особенно актуальны сегодня мысли Марра, связанные с изучением им Восточной Европы—вопроса, к которому он неоднократно возвращался. Уже в 1898 г. он говорил: „Нужно ли доказывать, что для русского государства не может быть безразличным понимание прошлого народностей, как бы малы эти народности ни были, раз они входят в его состав или силою вещей к нему тяготеют, что

¹ Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 129.

² Там же.

³ Марр, Значение и роль изучения национальностей в краеведении, Избр. раб., т. I, стр. 244.

⁴ Марр, Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста, Избр. раб., т. III, стр. 357.

⁵ Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 61.

⁶ Марр, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, Избр. раб., т. III, стр. 171.

⁷ Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 23.

русская история и археология, в частности история древнерусского искусства непосредственно заинтересованы во всестороннем выяснении прошлых судеб Грузии и Армении, где культурная жизнь в значительной степени слагалась под теми же восточными и византийскими течениями, как и в древней Руси".¹ В 1922 г. Марр, говоря о древнейшей истории России, усматривал под позднейшими наслоениями „основные, первичные—племенные слои и составе коренного населения России, т. е. племенные слои доисторических или протоисторических эпох—не только скифский, но и инопийский, и даже эгрусский, или урартский, т. е. тот же русский, и еще иные и еще иные".²

В 1930 г. Марр отмечает, что „восточная Европа, отрезок исключительного интереса не только потому, что своя рубашка к телу ближе, но потому, что сейчас проблема о Восточной Европе, об ее бесспорной не только доисторической, но и исторической связи составляет наиболее актуальную часть напряженного исследовательского внимания... но мы топчемся по сей день на месте по всем вопросам".³

Мы видим, что одна из актуальнейших исторических тем современности—вопрос о Восточной Европе—занимала мысль Марра на всем протяжении его творческого пути, от 1898 г. и до 1933 г. Можно только пожалеть, что в известной мере слова Марра о том, что „мы топчемся по сей день на месте", могут быть повторены, в приложении к историкам если не по всем, то по целому ряду вопросов, и сегодня.

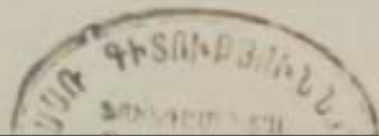
Но кем же был сам Марр—доисториком, кавказоведом, иранистом или эллинистом? От начала и до конца своей научной деятельности Марр был и оставался кавказоведом, который начал изучение Кавказа в пределах географических рамок самого Кавказа, а закончил изучением Кавказа в пределах почти мировых, так как работа привела его к осознанию единства исторического процесса, к отрицанию противопоставления Востока и Запада, приводила его, по мере углубления в изучение Кавказа, ко все новым, ко все большим проблемам, к увязке культуры Кавказа с отдаленными территориально и хронологически, но близкими стадияльно странами и эпохами.

В последний год своей жизни Марр опять всецело сосредоточился на Кавказе, и этого именно вопроса касалась последняя беседа его с И. А. Орбели в период временного улучшения его здоровья, между двумя приступами его болезни в 1934 г. К кавказоведам был, между прочим, обращен последний призыв Марра—организо-

¹ Марр, К вопросу о задачах арменоведения, Избр. раб., т. I, стр. 17.

² Марр, Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении, Избр. раб., т. V, стр. 45.

³ Марр, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, Избр. раб., т. III, стр. 171.

ванно работать „по общей истории всего Кавказа“,¹ по подготовке новых кадров для работы по новому.²

Настоятельно требует ответа вопрос, насколько Марру-историку удалось вплотную к жизни основную потребность всего его существования, „жить жизнью актуальности“, и насколько актуальна научная концепция Марра-историка и на сегодняшний день.

Как известно, жизнеспособность и значение всякой новой мысли в науке, всякого нового течения в искусстве проверяются обычно временем. Марр уже при жизни, как гора, возвышался над общим уровнем востоковедного и исторического фронта, поскольку он в силу своей гениальной прозорливости обладал ни с чем несравнимой силой мощных, вглубь, и ширь, и ввысь идущих обобщений.

А самый факт, что и сейчас, на десятом году после его смерти, ученики его и ученики учеников Марра продолжают выступать с новыми и новыми докладами об учении Марра, о проблемах, выдвигаемых и обосновываемых его творческой мыслью, — все это говорит о том, что учение Марра живо сегодня, что оно будет живо и завтра, так как оно выдержало испытание нашими суровыми и требовательными 1941—1944 годами, и выдержало его более чем блестяще.

Испытание выдержала историческая концепция Марра, особенно те положения ее, которые являются красугольным камнем нашей действительности, самыми животрепещущими вопросами наших дней.

Во-первых—это вопрос о привилегированных и избранных расах и народах, который привлекал внимание Марра с 1905 г., когда он в своих, связанных с аинскими работами лекциях категорически отрицал превосходство „какой бы то ни было расы, хотя бы арийской“.³ В 1915 г. Марр требовал „переоценки действительной доли участия в создании общечеловеческой культуры арийских или неарийских народов, европейских или не-европейских стран, великих или малых по численности и территориальным размерам национальностей и государств“,⁴ а в 1925 г. он высказывал уверенность, что с „прогрессом общественности мы перестанем в своих взаимоотношениях считаться с окраской черной, желтой или белой наших сограждан“.⁵

Так же категорически отрицалась Марром несовместимая с его концепцией теория индоевропейцев о прародине человечества и культуры, „блаженной стране, откуда пошла культура человечества“,

¹ Марр, История Кавказа по данным языка, стр. 15.

² Михайлова, ук. соч., стр. 355.

³ Марр, Аин, стр. 12.

⁴ Марр, Кавказский культурный мир и Ассирия. Петроград, 1915 (Журнал Министерства Народного Просвещения за 1915 год), стр. 4.

⁵ Марр, О происхождении американского человека, Восточный Сборник, т. I, стр. 172.

как иронически называл ее Марр,—откуда якобы пошли „племена, которые положили начало культуре человечества“.¹

В 1924 г. мысль об искании доисторической колыбели какого либо народа в одном определенном месте отметалась Марром, как „придаток библейского мировоззрения“.²

Научно обоснованное опровержение учения о превосходстве той или иной расы, так называемой расовой теории, пропагандируемой фашизмом, а также отрицание проповедуемой индоевропейской школой теории о прародине—ведь они являются одними из самых актуальных вопросов и наших дней.

Во-вторых: отрицая лежащую в основе расовой теории концепцию о существовавшей некогда прародине, Марр горячо относился к вопросам о родине и уже в 1898 г. утверждал: „Кто безучастен к судьбе родного края, тот не может глубоко воспринимать более отвлеченное, более сложное чувство к отечеству“.³ А разве вопрос об отношении к родине, к отечеству, не является актуальнейшим вопросом и наших дней?

Но Марр шел дальше и требовал знания прошлого своей родины, требовал изучения ее исторических судеб, чтобы понять ее настоящее и строить ее будущее, и требовал этого уже с 1898 г., когда писал: „По какой бы системе ни воспитывать характер, каким бы идеальным подбором образовательных наук ни упражнять ум, искусственный разрыв с родным культурным прошлым неизбежно ведет громадное большинство к духовному вырождению“.⁴ Познавая прошлое своей родины, познавать в нем самого себя—вот как ставил вопрос Марр, указывавший на то, что в древней Греции требование „познай самого себя“ „в эпоху процветания ничем не прикрытого рабства обращено было к отдельному человеку“. А в нашу эпоху, говорил Марр, „пора заменить ее более конкретным требованием, обращенным в пределах Союза к каждой без исключения нации, у нас к каждому народу и к каждому племени, „познай самого себя“... а без истории данной национальности этого сделать нельзя“.⁵ Марр упрекал русских историков начал русской культуры в том, что они „считают себя вполне забронированными от необходимости считаться со скифской культурой, как органически связанной с исторической жизнью Руси, хотя бы с ее так называемой доисторией“.⁶

Как видим, и этот поднятый Марром вопрос—о необходимости изучения и знания культурного прошлого своего народа не потерял и не мог потерять в наши дни своей остроты и столь же актуален сегодня, как и в дни молодости Марра.

¹ Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества, стр. 46.

² Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. Избр. раб., т. V, стр. 119.

³ Марр, К вопросу о задачах арменоведения, Избр. раб., том I, стр. 18.

⁴ Там же.

⁵ Марр, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 19.

⁶ Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества, стр. 46.

Из всего вышесказанного видно, как остро и глубоко вдумывался Марр в национальный вопрос, в полной мере сознавая, между прочим, что „Восток, колониальный он или не колониальный, одинаково громадная растущая сила будущего человечества, и кто мысленно не учитывает во своевремении грядущей победоносности этой силы,— готовит себе тяжелую школу материально-наглядного обучения“.¹

Но внимание Марра привлекают к себе не только мощные колониальные страны, как Индия,—столь же пристально было устремлено его внимание и на изучение прошлого, на изучение особенностей культуры так называемых малых народов. Исходя из того, что нет народов значительных и народов незначительных, Марр очень много внимания уделял изучению языка и истории именно этих малых народов, народов бесписьменных и народов младописьменных, причем особо следует отметить восстановление Марром, между прочим, и истории курдов, о которой письменные источники до сих пор упорно молчат.

В этой связи Марру приходилось бороться уже с 1898 г. еще с одним научным предрассудком, а именно с ошибочным положением, что прошлое малых народов можно понять „без специальной подготовки и с ограниченной осведомленностью“, с помощью иных приемов, чем те, которые применяются „при изучении более крупных политических и культурных единиц“.²

И этот поднятый Марром вопрос сохранил свою силу и сегодня; ведь вопрос о малых народах, об изучении их роли в прошлом и определения их места в настоящем является одной из актуальнейших задач и нашего времени, одна из задач проводимой в нашем Союзе сталинской национальной политики. К этому вопросу Н. Я. возвращался неоднократно, начиная с 1905 г., когда в „Письме к кавказской молодежи“ он писал, что „социал-демократизм в наше время имеет явиться наиболее могучим, наиболее действительным фактором культурного объединения кавказских народов“.³

А в 1916 г., изучая поэму Руставели, Марр отмечал, что „объективно поэма посвящена идее братства на служение общим человеческим идеалам, без различия национальности“.⁴ Следующий, 1917 г. Марр проводит в борьбе с националистами Грузии, дашнаками Армении и мусаватистами Азербайджана—по вопросу о поднятой ими национальной розни народов Кавказа.⁵

В 1918 г. Марр научно обосновывает прежнюю и будущую со-

¹ Марр. Предисловие к Восточному Сборнику, т. I, стр. 1.

² Марр. К вопросу о задачах арменоведения, Избр. раб., т. I, стр. 17.

³ Газета „Рассвет“, 27 ноября 1905, № 222.

⁴ Марр, Грузинская поэма „Витязь в барсовой шкуре“, Изв. Академии Наук, 1917, стр. 422.

⁵ Миханкова, ук. соч., стр. 174—175.

лидарность народов Кавказа и общность их интересов",¹ а в 1924 г. поддерживает на краеведческом съезде работы по изучению национальных культур представителями этих национальностей².

По всем работам Марра красной нитью проходит его, из всей совокупности фактов вытекающее положение о высоком уровне древней культуры Кавказа, о связанности его народов, об их культурном сотрудничестве, о связанности их с соседними народами, независимо от национальности и религии, и во всех работах звучит призыв „за национальность, против национализма!“³ А разве все эти, кровью и мозгом Марра изреченные положения не являются актуальными и сегодня?

В этой связи следует отметить один очень важный момент, а именно то обстоятельство, что все эти взгляды Марра вытекали не только из его теоретической подготовленности, а из добросовестного освещения им же собранного материала, что лишний раз подтверждает известное положение, что при правильном использовании материала и определенной исторической устремленности исследователь приходит к положениям, до него, в результате теоретического построения, уже установленным, но ему до этого неизвестным.

Переходя к вопросу о том, как обстоит в наши дни дело со школой Марра-историка, как обстоит дело с его учениками, приходится ответить, что обстоит дело не совсем так, как наверное хотелось бы самому Марру, как хотелось бы и всем нам.

Сам Марр настоящим учеником считал того, кто шел дальше своего учителя, т. е. почти дословно повторял оставшееся ему неизвестным изречение Леонардо да Винчи, что плох тот ученик, который не идет дальше своего учителя. Но удельный вес самого Н. Я., колоссальный диапазон его знаний, его совершенно невиданных эрудиция во всех отраслях гуманитарных знаний, создавали и создают непосильную, даже для объединенных сил его учеников задачу — перегнать и пойти впереди Марра.

Чтобы представить себе диапазон интересов, званий и путей исследования Марра, достаточно назвать: вопрос о дравидийской культуре Индии, Китай—его язык и история, вопрос о происхождении Парижа-Лютеции, язык и культура басков на Пиренеях, язык и культура чувашей на Волге и многие другие. Академик В. М. Алексеев в своем докладе, посвященном памяти Н. Я., отмечал, что Марр являлся „и филологом, и лингвистом, и высшим развитием редчайшего полиглotta, и археологом, и историком, и переводчиком, и кавказоведом, и лингвистом-палеонтологом... и в то же время знатоком каждой из этих областей, — знатоком, столь устремленным и сосредоточенно сильным, что, повидимому, ни одному из его учени-

¹ Марр, Батум, Ардаган, Карс, стр. 16. (Ср. Миханкова, ук. соч., стр. 178).

² Марр, Краеведение, Махач-кала, 1925, стр. 15. (Ср. Миханкова, стр. 241).

³ Марр, История Кавказа по данным языка, стр. 11.

ков не удалось обособиться от него настолько, чтобы идти в чем либо впереди него".¹

И, действительно, кому из учеников Н. Я. было бы под силу выполнить, например, задачу, которую он сам выполнил в связи с изучением им грузинской исторической хроники и художественного бытового романа „Житие Григория Хандзтийского“.² Тридцать пять дней провел Марр в районе, где протекала жизнь Григория Хандзтийского, в западной Грузии, в бассейне Имерхева, и в своем отчете он между прочим отметил, что ему „удалось собрать немногие уцелевшие надписи, хотя бегло изучить имерхевский грузинский говор, записать тексты, записать местами десяток географических пунктов, теперь урочищ, не нанесенных на пятиверстную карту или нанесенных топографически неверно или с ошибками в названиях. Попутно я заносил в дневник все, что узнавал, слышал или видел в этом крае... Отмечал и вымерял все развалины, большое количество развалин маленьких приходских церквей, свидетельствующее о частом расположении сел и густоте населения, записывал названия различных сортов винограда у нынешних жителей—гурок, в том числе пережившие здесь грузинские названия, вносил в дневник глухой отголосок романтической были Артануджа, жалкий обрывок сказания о культе богоматери в Порте или Шатберде, заметки о следах росписи там и сям, так в Опизе, о системе орошения с грузинским названием главного канала в Берте, о древних дорогах и мостах, о террасах для построек и для садов, о каменных давяльных в садах, о христианских переживаниях в речи и нравах мусульманского населения“.³

Пока ни одному из учеников Марра пойти дальше своего учителя не удалось, но на каждом из тех поприщ, которые избрали себе ушедшие в другие области работы ученики его, можно и должно продолжать и развивать дело Н. Я.—наше общее дело. В этой связи следует вспомнить об одном факте, свидетельствующем о недооценке самим Марром своих собственных сил, как учителя. В 1928 г. им было высказано следующее соображение: „было бы безумием браться за проработку всего содержания, например, Эрмитажа, в целях экспозиционного построения, в идеологическом восприятии памятников и их соответственной увязанности, эволюционной или революционной“.⁴ Н. Я. ошибался, высказывая это суждение, потому что два года спустя полным ходом начата была эта, казавшаяся безумием, проработка всего содержания Эрмитажа, и к 1935 г. она

¹ В. М. Алексеев, Н. Я. Марр, К характеристике ученого и университетского деятеля, Проблемы ГАИМК, 1935, № 3—4, стр. 65.

² Марр, Георгий Мерчул, Житие св. Григория Хандзтийского. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, т. VII (1911).

³ Там же, стр. XXXIII.

⁴ Марр, Задачи и методы исследовательской работы по археологии и искусству, Научный работник, 1928, № 8—9, стр. 21.

была в основном закончена силами ряда учеников и последователей Марра, под руководством одного из его старших учеников, причем экспозиция и Отдела Первобытной культуры, и Отдела Востока, и Античного Отдела были заново построены с учетом всего того, что нам завещано было Марром-историком.

При перестройке этих экспозиций громадное значение имело усвоенное к этому времени и музейными работниками-историками учение Марра о стадильности, его палеонтологический метод изучения явлений далекого прошлого. С этим неразрывно связано учение Марра об изменчивости значения слов, т. е. их семантики, в зависимости от той или иной стадии развития мировосприятия человека,—его мышления.

Это учение о подверженной законам диалектики семантике речи и образов стало одним из основных положений, которым руководствуются историки материальной культуры, получившие таким образом ключ к пониманию и самых отдаленных эпох.

Были у Марра, как у каждого исследователя, и отдельные ошибочные построения, от которых он впоследствии отказывался, убедившись в их несостоятельности, как, например, его относящееся к 1933 г. высказывание, что история материальной культуры сняла со счетов науки этнографию и археологию, как некогда сняты были астрономией—астрология и химией—алхимия. Марр говорил так: „Археология и этнография дольше держатся, чем алхимия и астрология, ибо они—науки феодального общества, а археология и этнография—науки буржуазного общества. Все они—оплот формального учения... помехи идеологическому восприятию памятников материальной культуры“.¹ Это положение, от которого Н. Я. потом отказался, было вызвано, повидимому, стремлением Марра больно ударить по применяемому археологами формальному методу, но не желанием „уничтожить“ ту науку, росту которой и поднятию которой на большую высоту так много содействовал сам Марр.

Но, говоря об отдельных мелких ошибках, следует помнить завет В. Р. Розена, учителя Марра, который говорил, что „и науке нередко имеют значение также и недостаточно еще обоснованные на фактах гипотезы“,² и это нашло себе блестящее подтверждение во всей деятельности Марра, к оценке которой применимы слова Розена, сказанные им о Броссе в 1887 г.: „зодчего, который, заложив прочно фундамент грандиозного здания, оставляет окончание его своим преемникам, никто не станет обвинять в недостаточной отделке деталей“.³

О подобных мелких деталях может быть не следовало бы и упоминать, так как их сотрет время—эта „влажная губка“, как называл его Эсхил.

¹ Марр. В тупике ли история материальной культуры, стр. 120.

² Восточные заметки, СПб., 1895, стр. 190.

³ Записки Вост. Отд. Русск. Археол. Общества, т. II, стр. 320.

Но никогда не сотрет эта влажная губка замечательного завета Н. Я., завета, воплощеннем которого являлась вся его жизнь с детских лет и до последних дней,—его призыв к неустанному творческому труду. И этот основной жизненный лозунг Марра был им осознан еще в гимназические годы, когда выпускное гимназическое сочинение Н. Я. писал на тему: „Значение труда в жизни человека“. В архиве Марра это сочинение сохранилось, и в нем можно прочесть следующие, к 1884 г. относящиеся строки: „Роль труда в жизни человека настолько велика, что его отсутствием исключается сама жизнь“.¹

Все, что создано было Марром полнокровного, полноценного, из фактов вытекавшего и научно обоснованного, все это всходит богатым посевом, все это начинает входить, как аксиома, в наш научный обиход, а многое просто вошло уже и стало азбучной истиной.

Но заложенные в трудах Марра ресурсы нами еще далеко не использованы, а если использованы, то не должным образом, не так как этого требуют темпы и устремления наших годов. Много в этой области должно быть еще сделано всеми нами коллективно, чтобы претворен был и нами в жизнь призыв Марра: „Жить жизнью актуальности“.

Каждому историку Марр дорог и всегда будет дорог тем, что он в каждом предмете, будь то черенок или замок, слово или образ, мелодия или мысль, умел видеть проявление человеческой жизни, умел осмысливать эти свидетельства ушедших времен, народов и людей, и восстанавливать историю человечества в ее целостности и единстве.

¹ Мухомова, ук. соч., стр. 14—15